

Оглавление

Предисловие	4
§ 1. Русские летописи — главные хранилища памяти	6
§ 2. Археографическая комиссия и С.-Петербургский Институт истории Российской академии наук	10
§ 3. С.-Петербургский Университет	15
§ 4. Пушкинский Дом	16
§ 5. Изучение летописей в XIX в.	17
§ 6. Алексей Александрович Шахматов	27
Материалы о смерти А.А. Шахматова	46
§ 7. Михаил Дмитриевич Приселков	48
§ 8. Игорь Петрович Еремин	65
§ 9. Николай Федорович Лавров	71
§ 10. Владимир Николаевич Перетц и Варвара Павловна Адрианова-Перетц	74
§ 11. Василий Леонидович Комарович	82
§ 12. Ксения Николаевна Сербина	90
§ 13. Дмитрий Сергеевич Лихачев	104
§ 14. Яков Соломонович Лурье	123
Список рекомендуемой литературы	146

В.Г.Вовина-Лебедева

Над страницами летописей (Ученые Петербурга XIX–XX вв.)

Учебное пособие и практикум для студентов*

Предисловие

Эта книга — одновременно и учебное пособие и практикум. Она рассчитана как на студентов негуманитарных факультетов, слушающих курс истории и культуры С.-Петербурга, так и студентов гуманитарных специальностей. Пособием могут пользоваться студенты разного уровня подготовки, а также преподаватели.

Студенты и преподаватели могут использовать данное пособие для подготовки к лекциям, семинарским занятиям, докладам и рефератам. В ней содержатся биографии и очерки творчества самых знаменитых ученых Петербурга — историков и филологов — которые изучали русские летописи в XIX–XX вв. Летописи — это наиболее важные тексты, сохранившиеся от русского средневековья. Поэтому их изучение было той школой, где вырабатывались приемы научной работы для многих поколений гуманитариев. Если мы проследим за историей их изучения, мы поймем главные этапы развития гуманитарной науки в России, особенно, в Петербурге. Здесь с XVIII по начало XX в. находилась Академия наук, а потом работали и до сих пор работают такие крупные научные центры, как Университет¹, Пушкинский Дом, С.-Петербургский Институт истории.

* Текст написан и опубликован в рамках программы прикладных исследований «РГНФ–Санкт-Петербург 2008», лот № 18.

¹ В наше время университетами именуются многие учебные заведения. Но под Университетом в этом пособии всегда будет подразумеваться С.-Петербургский государственный университет, тем более, что в то время, о котором пойдет речь, других университетов в городе не было.

В пособии можно найти краткие очерки истории тех учреждений, где изучались летописи: Археографической комиссии, Пушкинского Дома, С.-Петербургского Института истории, историко-филологического факультета Университета, разделенного затем на исторический и филологический факультеты. После этого приводятся очерки жизни и творчества ученых. Причем, сведения о них расположены «перекрестно», т.е. находятся в разных параграфах. Например, воспоминания К.Н.Сербиной о М.Д.Приселкове находятся в параграфе, посвященном К.Н.Сербиной, а о В.Л.Комаровиче можно прочесть как в параграфе, ему посвященном, так и в параграфе, посвященном Д.С.Лихачеву. О планах подготовки в 1930-х гг. новой серии издания летописей говорится в нескольких параграфах, как и о возникновении, например, Института истории. Такой принцип позволяет использовать каждый параграф как самостоятельный учебный материал.

Элементы практикума состоят в том, что параграфы дополнены специально отобранными отрывками из важнейших трудов по истории летописания, написанных учеными Петербурга. Эти отрывки даны курсивом. Их можно читать на практических занятиях, комментируя и отвечая на поставленные вопросы, а также давать по ним задания для домашней работы. Тексты летописей снабжены примечаниями, позволяющими понимать их даже неподготовленным читателям. Некоторые отрывки сопровождаются заданиями учебного характера. Тексты авторов адаптированы: опущены сноски, раскрыты сокращения, например, в названиях летописей. Отрывки из текстов летописей также адаптированы.

Пособие снабжено списком литературы, рекомендуемой для дополнительного чтения.

§ 1. Русские летописи — главные хранилища памяти

Летописание на Руси существовало — с середины XI в., когда, как полагают, появились первые записи о князьях, их походах, завоеваниях, о принятии христианства. Исследователи летописей придерживаются разных мнений относительно того, что представлял собой этот первоначальный текст. Древнейшая сохранившаяся летопись — «Повесть временных лет» — написана в начале XII в. и доведена до этого же времени. Но она сохранилась в рукописях более позднего времени, продолженная другими летописными записями. В этом и есть своеобразие летописи — ее многослойность, соединение текстов разных эпох в один. В древней Руси не было понятия об авторстве. Летописец брал текст своего предшественника, перерабатывал его, соединял с другими текстами, если находил их, и оставлял все это для последующих книжников.

Летописание в таком виде продолжалось до начала XIX в. И в пушкинские времена еще продолжали составлять провинциальные летописцы. Летопись была хранилищем памяти о деяниях предков. Причем, достойными записи были только рассказы о рождении и смерти князей, об их и ссорах и примирениях, войнах, строительстве церквей, деяниях святых, издании законов и т.п. — то, что мы сейчас назвали бы политической историей, плюс известия о природных катаклизмах — Божьих карах. Кроме того, летописи были своеобразным архивом. Не случайно, именно в составе летописей дошли до нас договоры Руси с Византией, Русская Правда, Поучение Владимира Мономаха, ярлыки татарских ханов, а также множество отдельных повестей, жития святых. Письменных актов² за древний период сохранилось мало из-за позднего развития феодального землевладения и его особого характера. Поэтому для реконструкции большинства периодов вплоть до XVI в. у нас есть, главным образом, сообщения летописей. Итак, летописи — главные хранилища древнейшей исторической памяти.

Летописи сохранились в виде многочисленных и разнообразных компиляций. Они переписывались от руки, и ни один такой «свод» не был опубликован до XVIII в. Начало изучения и начало издания летописей относятся к одному времени. Более того, они связаны с

² Т.е. документов, грамот, имеющих юридическую силу. Летопись в этом смысле — не документ, а произвольный рассказ.

одним и тем же человеком: приехавшим в Россию, в Петербург, в 60-х гг. XVIII в. ученым немцем А.-Л.Шлецером, последователем знаменитого текстолога Михаэлиса, сделавшего себе имя изучением истории текста Священного писания. Правда, и до Шлецера ученые интересовались русскими летописями. Среди них наиболее значительными попытками этого рода были труды любителя-самоучки В.Н.Татищева и члена Петербургской Академии наук Г.-Ф.Миллера. В.Н.Татищев предположил, что автором «Повести временных лет» был инок Киево-Печерского монастыря Нестор. В XVIII — начале XIX в. за этим текстом закрепилось имя «Нестор» в качестве названия. Тогда уже был известен один из наиболее древних списков³ «Нестора» — Кенигсбергский (Радзивилловский) список. Это была трофейная рукопись, взятая солдатами Петра I в Кенигсберге при захвате города во время Северной войны. В.Н.Татищев работал над составлением «Истории Российской», сведенной из текстов разных летописей и дополненной комментариями и вымыслами автора. Она была опубликована только после смерти автора.

А.-Л.Шлецер скептически отзывался о методе изучения летописей в России, и этим до сих пор раздражает некоторых российских историографов. Однако, сами летописи А.-Л.Шлецер оценивал очень высоко. Более того, он прямо писал, что ни одна западная хроника не может выдержать сравнения с ними. А.-Л.Шлецер был первым, кто подошел к русским летописям как лингвист и текстолог, имеющий основательные познания в языкознании, которое в то время уже воспринималось как важнейший инструмент для изучения древних текстов. Но ему был интересен, прежде всего, первоначальный текст, т.е. «Нестор», хотя он уже понимал, что русское летописание — сложная система, изучая поздние звенья которой, можно постепенно добраться до исходного звена. По его мнению, в каждом списке отразились различные этапы порчи первоначального текста. Поэтому первой и важнейшей задачей была «очистка Нестора» от позднейших напластований. Итогом многолетней работы явился его знаменитый «Нестор» — издание, которое можно одновременно считать и публикацией и исследованием. Правда, А.-Л.Шлецер успел разобрать текст «Нестора» только до княжения Ярополка Святославича, то есть, он даже не дошел до крещения Руси. Кстати, он восторгался славян-

³ В науке об истории текстов — **текстологии** — **списками** называются рукописные копии одного и того же текста.

ским язычеством, легендами и сказками, которыми полна именно начальная часть «Повести временных лет». Подобно своим младшим современникам — чешским и балканским славистам — он был готов героизировать славянские древности, видя в них как бы параллель с брутальной древностью воинственных германцев. А.-Л.Шлецер стал свидетелем и участником публикаций летописей, подготовленных Петербургской Академией наук. Первым полным изданием русской летописи было издание в 1767 г. Радзивилловской летописи. А.-Л. Шлецер тогда же задумал грандиозный план издания всех русских летописей, и в том же году подготовил первый том Никоновской летописи — грандиозного летописного свода, составленного в середине XVI в. После его отъезда из России эта публикация была закончена русскими издателями. С тех пор именно Никоновская летопись полюбилась историкам, пишущим общие курсы русской истории. Между тем, в ней содержатся многие легендарные известия, которые нельзя проверить, и которых нет в ранних текстах. Кроме того, все летописи XV–XVI вв. написаны уже тогда, когда Москва победила другие княжества, и утвердился официальный промосковский взгляд на прошлое. Ранние тексты дают иную картину. Это позволило Я.С.Лурье, крупнейшему во второй половине XX в. специалисту по русскому летописанию, говорить о «двух историях Руси XV в.»

Впрочем, во времена А.-Л.Шлецера этого еще не понимали. Начиная с петровского царствования, русские древности долгие десятилетия воспринимались как темное царство, на фоне которого тем ярче сияет звезда новой европеизированной России, рожденной Петром. Только при Екатерине II русская история стала пониматься обществом как по-настоящему интересная и важная тема. Сама императрица писала о древних Киеве и Новгороде, и ей вторил свет. В Петербурге, Москве, в дворянских усадьбах, провинциальных городах стало модным увлекаться русским средневековьем, собирать библиотеки, в том числе летописи, а также монеты, жалованные грамоты, письма — все подряд, иногда не разбирая их ценности. На сцене появились драмы и трагедии в стиле французских драматургов Корнеля и Расина, но «из русской жизни». Героями их стали древние князья, частью исторические, а частью придуманные, а также их воображаемые жены и дочери (отголоском этой традиции стала впоследствии поэма А.С.Пушкина «Руслан и Людмила»). Интерес к летописям возрос — ведь только из них узнавались скудные известия,

которые затем, с помощью воображения можно было использовать как фундамент для литературных фантазий. Читатели с жадностью ожидали выхода новых исторических трудов и публикаций текстов, также, как театральных премьер.

В течении тридцати последующих после выхода в свет Радзивилловской и Никоновской летописей лет были изданы почти все обнаруженные тогда летописи. В Петербурге центром их издания была Академия наук. Ко времени написания Шлецером «Нестора» в Петербурге вышли в свет: отдельные тома Лицевого летописного свода — многотомной официальной иллюстрированной летописи, изготовленной для царя Ивана Грозного; список Новгородской летописи (впоследствии названной Новгородской 1 летописью Младшей редакции) — ее текст во многом совпадал с «Нестором», но и отличался, и вся традиция изучения летописания пошла во многом от сравнения этих двух текстов; несколько редакций Сибирского летописного свода (сибирские летописи рассказывали о завоевании Сибирского ханства в конце XVI в. отрядом казаков атамана Ермака и присоединении к Московскому царству, а также о дальнейшем истории этого края); несколько летописей XV—XVI вв., в которых московские известия переплетались с новгородскими — Львовская, Воскресенская, Софийская (позднее названная Софийской 1) летописи.

Начало XIX в. ознаменовалось открытием для науки и попытками издания древнейших текстов, содержащих «Повесть временных лет». Речь идет о Лаврентьевской, Ипатьевской и Троицкой летописях. Лаврентьевская летопись была написана на бумаге около 1377 г. писцом Лаврентием для нижегородского князя Дмитрия Константиновича, зятя и одновременно соперника знаменитого Дмитрия Донского, победившего через три года татарского хана Мамаю на Куликовом поле. Текст ее был доведен до 1305 г. Ипатьевская летопись, названная так потому, что хранилась в Ипатьевском монастыре в Костроме — также бумажная. После «Повести временных лет» в ней был помещен рассказ о событиях в южных княжествах (Киев, Волынь, Галич) в XII—XIII вв. Троицкая летопись была написана на пергамене и была бесценна, так как доводила рассказ до 1408 г. — значит, она единственная содержала близкий по времени рассказ о том, как возвысилась Москва. Впервые текст Лаврентьевской летописи начали издавать профессора Московского университета Х.А.Чеботарев и Н.Е.Черепанов в 1804 г. Это издание отличалось от старого типа издания XVIII в. Рань-

ше публиковали отдельные списки летописи. Каждый такой список всегда рассматривался как самостоятельное произведение. Новое издание было основано на сличении текста Лаврентьевской летописи с Троицкой и Радзивиловской. Две последние давались в подстрочных примечаниях к тексту Лаврентьевской. Всего было напечатано таким образом 12 листов, и на этом работа прервалась. В 1811 г. по поручению Московского исторического общества издание Лаврентьевской летописи было поручено профессору Р.Ф.Тимковскому, работа которого была построена на тех же принципах, что и издание Чеботарева и Черепанова. Теперь оно не было закончено из-за начавшейся войны с Наполеоном, вторжения французской армии в Россию, взятия и пожара Москвы. В этом пожаре погибли многие бесценные рукописи. Погибла и Троицкая летопись, о содержании которой с этого времени мы знаем только по цитатам из «Истории Российской» знаменитого историка Н.М.Карамзина. Н.М.Карамзин работал с ней еще до войны. Позднее, занимаясь в Петербурге написанием своей знаменитой «Истории Государства Российского», он приводил обширные цитаты из утраченной летописи.

Новый тип научного издания летописей был признан далеко не сразу. Издание Р.Ф.Тимковского было раскритиковано, например, А.Н.Олениным — знаменитым директором Публичной библиотеки в Петербурге⁴ и одним из самых образованных людей эпохи, хозяином блестящего петербургского салона. А.Н.Оленин считал, что издание с параллельными чтениями из разных списков будет трудным для восприятия, даже неприятным, и утомительным. Вместо этого он предложил создание некоего сводного Русского летописца, передающего все правильные чтения, извлеченные из всех летописей при критическом их изучении. Эта сводная летопись так и не была составлена, и в дальнейшем наука не пошла по этому пути.

§ 2. Археографическая комиссия и С.-Петербургский Институт истории Российской академии наук

Археография — это наука, которая занимается поиском, описанием и изданием древних рукописей. С конца 1810-х гг. великий археограф П.М.Строев, создатель Археографической экспедиции, много лет обследовал архивы монастырей и церквей России. Отче-

⁴ Сейчас — Российская Национальная библиотека.

ты о поездках направлялись в Петербургскую Академию наук. Были найдены и спасены для науки ценнейшие памятники древнерусской письменности и культуры, без которых мы сейчас не можем представить себе русскую историю. Среди них было много летописей. В Петербург были привезены рукописи в таком количестве, что президент Академии наук С.С.Уваров вынужден был просить царя Николая I об учреждении специальной Археографической комиссии для хранения, изучения и публикации этого богатства.

Археографическая комиссия была учреждена в декабре 1834 г. Поначалу она считалась временной, но затем была объявлена постоянной. Она работала весь XIX век, продолжая собирать рукописи, пережила новый расцвет в начале XX в., и существует до сих пор. В XIX в. члены комиссии назначались министром народного просвещения и утверждались царем. Это были лучшие ученые России. В комиссии были и специальные чиновники, которые вели всю техническую работу. Бюджет комиссии постоянно увеличивался. Сюда стекались исторические документы из разных городов России. Нужные для публикации списки летописей присылались из библиотек Москвы, из хранилищ университетов других городов и монастырей. Сотрудники комиссии ездили в иностранные архивы и библиотеки в поисках сокровищ древнерусской письменности. На заседаниях комиссии обсуждались научные вопросы изучения и публикации рукописей. Извлечения из протоколов этих заседаний стали систематически публиковаться под названием «Летопись занятий Археографической комиссии».

Значение Археографической комиссии не только в собирании ценнейших рукописей по всей стране, но и в их публикации. И одним из главных проектов стало продолжающееся издание, озаглавленное: Полное собрание русских летописей — ПСРЛ. Первый том — издание «Повести временных лет» по списку Лаврентьевской летописи — вышел в свет в 1846 г. Это было издание по одному списку с подстрочными примечаниями по другим спискам. Такой же тип был принят для всех томов ПСРЛ, продолжавших выходить до конца XIX в., и затем перешедших в XX в. Огромную роль в этом гигантском предприятии, помимо П.М.Строева, сыграл Я.И.Березников. Я.И.Березников был сыном купца, окончившим университет и пристрастившимся к археографическим занятиям. Он был самым деятельным сотрудником П.М.Строева и настоящей душой издания ле-

тописей. Под его прямым смотрением изданы первые шесть томов ПСРЛ. С необыкновенным трудолюбием Я.И.Бередников много лет осматривал рукописи всех библиотек Москвы и Петербурга в поисках текстов, достойных опубликования в его любимом издании. Тома ПСРЛ — добротные изданные, большого формата, однотипного переплета и бумаги — становились настольными книгами всех историков и филологов, изучающих древнюю Русь.

Однако, споры о том, в каком виде публиковать летописи, не прекращались. В 1862 г. был пожар, который истребил часть изданий Археографической комиссии и нарушил ее работу. Это послужило поводом для пересмотра всего ПСРЛ. Известным историкам и филологам, специализирующимся по русской древности, были посланы одни и те же вопросы о принципах издания. Они должны были выбрать один из трех предложенных образцов передачи летописного текста. Первый образец максимально точно передавал старые буквы кириллического алфавита, знаки сокращения и надстрочные знаки, все особенности написания. Второй передавал текст буквами современного алфавита и раскрывал все сокращения, а также унифицировал отчасти написание слов. Третий был компромиссным. Кроме того, специалистам предстояло решить, каковы должны быть цели издания, для кого оно должно быть предназначено, и вообще, высказать свои особые пожелания. Некоторые из опрошенных специалистов написали, что Археографическая комиссия должна способствовать более историческим, нежели филологическим разысканиям. Поэтому предпочтителен вариант, более простой для современного читателя. Другие полагали, что все должно быть наоборот. Вопрос о принципах издания, и о назначении их историкам или филологам так и не был разрешен, и издания ПСРЛ продолжали выходить, изданными по-разному. Проблема целесообразности издания летописей, максимально приближенного к оригиналу, сохраняющего графические и языковые особенности последнего остается актуальным и поныне.

Работа по изданию ПСРЛ стала одним из строжайших, вокруг которого выросла Петербургская историческая школа, находившаяся в расцвете на рубеже XIX–XX вв. Одним из наиболее выдающихся представителей этой школы был А.Е.Пресняков. Он начал изучать летописные своды XVI в., сразу понял значение новой теории изучения русских летописей, которая была разработана в это вре-

мя А.А.Шахматовым. А.А.Шахматов был лингвистом, и перенес на изучение древних текстов методы и приемы, которыми лингвисты исследуют древние языки. Из сравнительного языкознания родился сравнительный метод в изучении летописей. А.Е.Преснякову как историку особенно нравилось у А.А.Шахматова то, что он видел в летописцах живых людей со страстями и слабостями, а в самих летописях — результат политической и общественной борьбы. А.А.Шахматов, как писал потом один из его учеников, удалил из нашего сознания образ летописца — удаленного от мира и равнодушного фиксатора событий эпохи. Но истинный творческий союз А.Е.Преснякова с А.А.Шахматовым проявился при издании летописей и работе в Археографической комиссии, куда А.А.Шахматов был привлечен после переезда из Москвы в Петербург. Как раз в это время в комиссии особенно ожесточенно шли споры о принципах издания. А.А.Шахматов был сторонником лингвистического типа издания, максимально сохраняющего все особенности написаний слов в рукописи. Многие историки, например, глава петербургской исторической школы С.Ф.Платонов (учитель А.Е.Преснякова), полагали такие издания излишне перегруженными и сложными для историков. Для филологов же, согласно этой точке зрения, они все равно не могли заменить рукопись. Но появление работ А.А.Шахматова по летописанию, его выводы о характере и взаимоотношениях летописных текстов заставляло пересмотреть некоторые старые принципы издания летописей. Например, он показал, что многие тексты, которые раньше считались родственными списками одной и той же летописи, на самом деле — отдельные летописи. Встал вопрос о том, можно ли подводить по ним разночтения. Кроме того, А.А.Шахматов ввел в оборот новые летописи, которые также ждали своих публикаций. Не удивительно поэтому, что именно в 1900–1910-е гг. издания ПСРЛ выходили одно за другим. А.А.Шахматов участвовал в качестве редактора во многих изданиях, подготовленных другими сотрудниками. Сам он подготовил в ПСРЛ западнорусские летописи и осуществил классическое издание Ипатьевской летописи. Уже незадолго до смерти он начал готовить второе издание этой летописи. Преждевременная смерть А.А.Шахматова, и затем А.Е.Преснякова, нанесла тяжелый удар делу публикации летописей.

После революции 1917 г. Археографическая комиссия была выведена из состава Министерства народного просвещения и включена

затем в состав учреждений Академии наук (с 1922 г.) В первые годы советской власти ее деятельность имела особое значение, предотвратив уничтожение большого числа памятников письменности. Так, в 1920-х гг. в комиссию был передан архив Тихвинского, Антониева-Сийского, часть архива Соловецкого и других монастырей. Если бы не усилия ученых, в эпоху борьбы государства с церковью эти материалы могли погибнуть. В 1926 г. Археографическая комиссия была расширена и переименована в Постоянную историко-археографическую комиссию, а в 1931 г преобразована в Историко-археографический институт (ИАИ). Он располагался в Ленинграде в здании на Тучковой набережной, д. 2а, но существовала и московская группа его сотрудников. Директором ИАИ был вначале С.Г.Томсинский, а затем В.П.Волгин, а секретарем (до его ареста в 1936 г.) — И.М.Троцкий, одним из основных научных интересов которого были русские летописи.

В 1936 г. при Академии наук СССР в Москве был создан Институт истории СССР. Ленинградский Историко-археографический институт стал Ленинградским отделением Института истории АН СССР во главе с С.Н.Валком. Весь архив Археографической комиссии, собранный за сто лет ее существования, стал Архивом этого института. В настоящее время С.-Петербургский филиал института отделился и является самостоятельным С.-Петербургским Институтом истории Российской академии наук. Он располагается в доме № 7 по Петрозаводской улице, в бывшем особняке академика Н.П.Лихачева — великого собирателя и исследователя рукописей. Его выдающаяся коллекция дополнила собрание архива института.

Деятельность Археографической комиссии в Ленинграде (как творческого объединения историков и археографов города) была возобновлена. В 1965 г. было создано Ленинградское отделение (первоначально в количестве 29 человек, затем численность сохранялась примерно такой же. Печатным органом Ленинградского (ныне — Петербургского) отделения Археографической комиссии является ежегодник «Вспомогательные исторические дисциплины». Каждый год в течение многих лет проводятся заседания комиссии. Подводятся итоги археографических экспедиций, объявляются наиболее выдающиеся находки, обсуждаются принципы научного описания и издания источников.

§ 3. С.-Петербургский Университет

Историко-филологический факультет С.-Петербургского университета располагался в XIX в. в главном здании Университета — в бывшем здании Двенадцати коллегий. Поэтому у многих поколений студентов годы учебы ассоциировались, прежде всего, со знаменитым длинным коридором, проходящим через все здание.

После революции 1917 г. факультет претерпел ряд преобразований. В 1919 г. все гуманитарные кафедры этого факультета объединили с юридическим факультетом в Факультет общественных наук (ФОН). Затем, в 1922 г. к нему был присоединен Петроградский Археологический институт. И в 1925 г. все это стало именоваться Ямфак (факультет языка и материальной культуры). В 1929 г. Ямфак преобразовали в Историко-лингвистический факультет. А уже в 1930 г. этот факультет вообще вывели из состава Университета, и он стал самостоятельным Ленинградским институтом истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Его перевели тогда в отдельное здание, но вблизи главного здания Университета, — на Университетскую наб., д. 11. Здание было построено в XVIII в. как дворец юного императора Петра II. В XIX в. там располагался Историко-филологический институт — еще одно гуманитарное учебное заведение, готовящее, главным образом, преподавателей древних языков и истории. В 1934 г. решением Наркомата просвещения были образованы отдельные факультеты, влившиеся опять в Университет, в том числе: исторический и филологический. Филологический факультет Университета остался в здании Историко-филологического института, которое он и до сих пор делит с восточным факультетом. А историческому факультету было выделено новое помещение, также неподалеку — на Менделеевской линии, д. 5. Здание это было построено в конце XVIII в. знаменитым архитектором Дж. Кваренги для Новобиржевого⁵ гостиного двора. Перед революцией 1917 г. там располагались склады купца Козухина, а в 1920-е гг. — склады ленинградской милиции. Чтобы вместить всех студентов над зданием надстроили третий этаж. Часть складских помещений сохранялась и выехала только в 1938 г. Исторический факультет Петербургского университета и до сих пор размещается в перестроенных «козухинских складах», деля его с философским факультетом.

⁵ Поскольку располагается рядом со зданием Биржи на Стрелке Васильевского острова.

§ 4. Пушкинский Дом

Пушкинский Дом при Петербургской Академии наук был основан в 1905 г. Первоначально это было специальное хранилище рукописей А.С. Пушкина и одновременно — центр пушкиноведения. Такая идея возникла в 1899 г., когда отмечался столетний юбилей поэта. Специально по этому поводу создали комиссию по устройству чествования при С.-Петербургской Академии наук. Возникла мысль создать специальное учреждение, какого еще не было в России, чтобы оно хранило память о Пушкине и прославляло русскую поэзию. Предполагалось, что здесь будут проходить состязания поэтов, ставиться спектакли по пьесам Пушкина. Поэт К.К.Случевский обратился тогда в комиссию с письмом о том, чтобы создать особый Дом Пушкина: не только для юбилейных торжеств, но и для будущего. Это был бы памятник Пушкину, но не в виде статуи, а в виде особого музея. Идея обсуждалась в печати. Средства было решено добывать добровольной подпиской, а также сборами от литературных вечеров, спектаклей и концертов. Планировалось построить специальное здание, что-то вроде Пантеона русской литературы на Троицкой площади, в верхнем этаже — залы для собраний, в нижнем — для публичных мероприятий и выставок. Академия художеств даже объявила в 1910 г. конкурс на звание художника-архитектора этого проекта. Тогда же была приобретена на государственные средства библиотека А.С.Пушкина, которая хранилась до этого в селе Ивановском Бронницкого уезда Московской губернии. Она стала основой собрания. А организованная пушкинской комиссией юбилейная выставка, состоявшаяся в большом конференц-зале здания Академии наук, собрала почти сто автографов поэта и множество других ценных экспонатов. Но началась I мировая война, и строительство специального здания так и не было осуществлено. Пушкинский Дом остался без места, коллекции хранились в здании Академии наук. Потом наступило время революций и гражданской войны. Только в 1927 г. было принято решение выделить Пушкинскому Дому здание бывшей таможни в доме № 4 по Тучковой набережной. Здание было построено в 1832 г. архитектором И.Лукини. С тех пор и до настоящего времени Пушкинский Дом находится в здании таможни. И главный конференц-зал его все еще расписан эмблемами торговли и процветания.

В 1930 г. Пушкинский Дом был преобразован в Институт русской литературы АН СССР. Старое название все же сохранилось за ним,

даже официально, как второе наименование. И чаще всего петербуржцы его называют по-прежнему. Хранилища Пушкинского Дома все время пополняются. В его Литературном музее и Рукописном отделе собраны уникальные коллекции рукописей русских и европейских классиков, имеющие мировое значение. Это единственное в России место, где хранятся автографы Пушкина, они собраны сюда со всей страны. Кроме рукописей, тут собраны личные и памятные вещи, портреты, издания книг. В музее устраиваются выставки и организуются экскурсии. В Рукописном отделе работают исследователи, приезжающие со всего мира. Уникально собрание древнерусских рукописных книг, собранных в Древлехранилище Пушкинского Дома. Его создателем стал сотрудник Отдела древнерусской литературы, знаменитый ученый и собиратель древнерусских рукописей В.И.Мальшев.

В Пушкинском Доме есть научные отделы, которые изучают русскую литературу XVIII в., XIX вв., литературу XX в., а также фольклор. В 1932 г. в Пушкинском Доме был организован Отдел древнерусской литературы. С этого времени он является крупнейшим центром исследования древней русской книжности. Важнейшую роль в создании отдела сыграли филологи-древники академик А.С.Орлов, первым возглавивший Отдел, и ученый секретарь Отдела В.П.Адрианова-Перетц (в будущем — член-корреспондент Академии наук, крупнейший специалист по древнерусской литературе, руководитель отдела с 1947 г. до 1954 г.). В Отделе возобновилась научная работа по изучению древнерусской литературы, прерванная в стране в 1920-е гг., когда эта литература как «церковная» считалась недостойной изучения. В штат Отдела были приняты и другие сотрудники. Среди них — Д.С.Лихачев, будущий академик, который уже после Великой отечественной войны, в 1954 г. возглавил Отдел и был его руководителем в течении 45 лет. В Отделе есть свое научное издание — Труды Отдела древнерусской литературы — ТОДРЛ.

§ 5. Изучение летописей в XIX в.

Исследование летописных текстов активно началось в Петербурге после войны 1812 г., когда развернулась деятельность Археографической комиссии. Среди найденных П.М.Строевым и его сотрудниками драгоценных рукописей оказались и летописи. Им самим была подготовлена к публикации рукопись, называемая «Со-

фийским современником». Это издание признавалось современниками классическим. Но еще большее значение для истории изучения русских летописей имело небольшое по размеру предисловие, которым П.М.Строев снабдил издание.

В нем высказывалась новая мысль о том, что наши летописи есть «не что иное, как сборники». П.М.Строев полагал, что когда-то в древности составлялись летописи как погодные записи событий, происходящих в той или иной местности (городе или княжестве). Они велись очевидцами, излагавшими то, чему свидетелями были сами или то, о чем знали по слухам. Но эти первоначальные летописи до нас не дошли. До нас дошли уже результаты переработок первичных текстов, осуществленных в других центрах и в более поздний период. Тогда под рукой редакторов, которых Строев именовал «невежественными собирателями», и которые были отдалены по времени от описываемых событий, из нескольких летописей были составлены некие общие сборники или «своды». В них вносилось то, что казалось важным редактору. Наиболее ранний из таких сводов, дошедших до нас — Лаврентьевская летопись. Все последующие летописные своды связаны между собой в непрерывную нить, тянущуюся вплоть до 60-х гг. XVI в.

В этих положениях П.М.Строева была заложена мысль, которая затем была подхвачена другими учеными: если летописи — это сборники, своды, то можно попытаться найти в них фрагменты первичных летописей, разложив своды на составные части, связанные с конкретными княжествами. Именно по этому пути и пошло далее летописное источниковедение. По мысли П.М.Строева задача эта крайне сложна и, может быть, даже невыполнима, так как первоначальные летописи фактически погибли при составлении сводов. Тем не менее, идея Строева о летописях как сводах нашла широкий отклик в научной среде. Казалось, был найден, наконец, тот ключ, используя который можно восстановить древнейшие периоды русского летописания. До самого конца XIX в. мысль эта разрабатывалась и апробировалась на примерах отдельных летописных текстов, вылилась в конкретную методику исследования. Ее применяли в своих трудах самые крупные ученые, изучающие русские древности: И.И.Срезневский, М.И.Сухомлинов, И.Д.Беляев, Н.И.Костомаров, М.П.Погодин и др.

Наиболее полное воплощение подобный подход нашел в знаменитой работе профессора С.-Петербургского университета

К.Н.Бестужева-Рюмина «О составе русских летописей до конца XIV в.» К.Н.Бестужев-Рюмин применил строевский подход в своем анализе Лаврентьевской летописи, и, прежде всего, ее начальной части — «Повести временных лет». Вся «Повесть временных лет» есть «сшивная» — таков был его вывод — то есть, она может быть разложена на составные элементы. Вероятно, именно эта фраза Бестужева-Рюмина дала впоследствии основание называть его метод «методом расшивки». Главным критерием выступают географические привязки. Так, известие о поездке княгини Ольги в Новгород ведет нас к новгородской летописи, описание поединка Мстислава с Редедю в Тмутаракани — к тмутараканской и т.д. Исследователь выделил в тексте «Повести временных лет» отрывки полоцкой, киевской, переяславской летописей. Затем таким же образом он анализировал Ипатьевскую летопись, обнаружив заключенный в ней суздальский источник (откуда было заимствовано описание убийства Андрея Боголюбского), переяславский, смоленский, новгородский и др. Такое обилие местных летописей нуждалось в объяснении. Поэтому К.Н.Бестужев-Рюмин выдвинул идею о составлении летописей при всех княжеских дворах.

Выделяя в тексте свода составные части, исследователь предложил делать это в определенной последовательности. Он заметил, что летописные известия имеют разный характер. Это могут быть краткие сухие записи, лишь фиксирующие события, но встречаются и подробные, иногда имеющие высокую художественную ценность описания. Причем это далеко не всегда совпадает со значимостью событий. Первый вид летописных сообщений К.Н.Бестужев-Рюмин назвал погодными записями, а второй — предложил трактовать как отдельные сказания, возможно, включенные в состав летописных сводов в момент их составления, одновременно с сообщениями первичных летописей. Таким образом, под пером К.Н.Бестужева-Рюмина складывание сводов стало пониматься как процесс более сложный. Он представлялся уже не просто работой «невежественных собирателей», разрезавших на куски и заново сшивших на свой страх и риск древние княжеские летописи, но как в значительной степени творческая работа. К.Н.Бестужев-Рюмин выделил ряд отдельных сказаний в тексте «Повести временных лет»: об ослеплении Василько Тербовольского, о войне Мстислава Владимировича с Олегом Святославичем, о начале Печерского монастыря, сказание об Аскольде

и Дире, житие Владимира Святого, житие Бориса и Глеба и др. Но К.Н.Бестужев-Рюмин в своей работе не закрывал возможности других объяснений истории летописного текста. Так, он не отрицал возможность существования предшествующих, по отношению к дошедшим до нас, летописных сводов.

И.А.Тихомиров был выпускником Петербургского Историко-филологического института, где К.Н.Бестужев-Рюмин также читал курс русской истории. И.А.Тихомиров впитал подход к летописанию К.Н.Бестужева-Рюмина и применил его на материале летописных сводов более поздних, чем это делал его предшественник. С точки зрения строевско-бестужевского метода в работах, появляющихся в конце XIX — начале XX вв. одна за другой, он подверг анализу состав Тверского сборника, Псковской 1 летописи, Воскресенской летописи, других московских летописей XV—XVI вв. Почти одновременно этими же темами занялся и А.А.Шахматов. А.А.Шахматов видел три главных недостатка, даже порока, как он полагал, в работах И.А.Тихомирова, и одновременно они же являются пороками всего строевско-бестужевского направления. Во-первых, И.А.Тихомирову не был интересен сам по себе исследуемый им летописный памятник, время и место его составления, редакции, история его бытования. Единственной задачей является определение состава этого свода, расписывание его на «отдельные сказания» и «погодные записи». А.А.Шахматов же оценивал летописный свод как историко-культурное явление и как памятник литературы. Далее, А.А.Шахматов критиковал И.А.Тихомирова за то, что источниками сводов у того выступают непосредственно летописные записи и сказания, «сырой необработанный материал». По мнению же А.А.Шахматова этими источниками должны быть более древние своды — протографы⁶. В результате, главным недостатком исследований И.А.Тихомирова по А.А.Шахматову оказывалось то, что он приходил к неверному представлению о существовании множества отдельных летописей в каждом городе, где сидел князь. Таким образом, А.А.Шахматов, отвергая старый метод, объявил программу нового исследования всех русских летописей (см. § 6).

Но все же некоторые замечания И.А.Тихомирова были довольно тонкими. Так, например, он написал о Германе Вояте — составителе

⁶ Протографами А.А.Шахматов и ученые его школы называли несохранившиеся, но гипотетически воссозданные общие источники реально сохранившихся двух или более летописей.

одного из источников Новгородской 1 летописи, а также заметил любопытное указание в тексте Жития князя Михаила Тверского (в составе тверской летописи) на некий текст, который назывался «Владимирский Полихрон». Этим загадочным текстом будут и дальше заниматься ученые. А.А.Шахматов даже специально отметил, что, идя по ошибочному пути, И.А.Тихомиров, тем не менее, часто приходил к верным выводам.

Появление трудов А.А.Шахматова привело к созданию целой научной школы в изучении летописей, причем школы и филологов и историков. Петербургская историческая школа на рубеже XX вв. находилась в расцвете. Историки этого направления, ставившие источниковедческие разыскания на первое место в научном исследовании, не только вполне могли воспринять и творчески развить сложное учение А.А.Шахматова, но и сами, идя несколько иным, более традиционным с точки зрения исторической науки путем, подошли к той же мысли о необходимости нового пути в изучении летописей.

Среди последователей А.А.Шахматова — петербургских историков — первым следует назвать А.Е.Преснякова. От своих учителей в отношении летописания А.Е.Пресняков мог воспринять лишь господствующую тогда строевско-бестужевскую методику. Так, его учитель С.Ф.Платонов применял ее даже в работе об исторических повестях начала XVII вв., хотя речь в ней шла о сочинениях другого типа и более поздних, чем летописи, для изучения которых она была создана. Например, свой анализ Нового летописца (произведения, созданного в середине царствования Михаила Федоровича, которое, несмотря на название, никак нельзя уже считать «летописным сводом» в понимании П.М.Строева) С.Ф.Платонов строил, исходя из выделения в его тексте записей летописного характера и «литературно обработанных» повестей, имеющих признаки отдельных сказаний. С.Ф.Платонов предложил А.Е.Преснякову заниматься московскими летописными сводами XVI в., которые тогда почти совсем не были исследованы в источниковедческом плане, хотя постоянно привлекались как источники в исторических работах.

В фонде А.Е.Преснякова, хранящемся в Архиве С.-Петербургского Института истории РАН, хранятся материалы, свидетельствующие о том, что в 1890-е гг. он вел кропотливую работу по сравнительному исследованию московских летописных сводов. В конце 1899 г. А.Е.Пресняков начал работу над диссертацией «О Московских лето-

писных сводах». А.А.Шахматов, с которым А.Е.Пресняков был уже знаком в это время, добился для него стипендии. Результатами работы начала 1900-х гг. стали еще пять тетрадей, содержащих выписки приблизительно из 55 летописных текстов, а также описание списков Типографской, Воскресенской и Львовской летописей. Но вскоре А.Е.Пресняков отказался от этой темы диссертации, считая ее слишком объемной. Поэтому, законченные и вышедшие из печати работы представляют лишь часть большого плана, оставшегося полностью неосуществленным. Однако они дают нам возможность оценить тот метод, который ученый начал применять в исследовании московских сводов еще в начале 90-х гг. Здесь ясно виден отход ученого от бестужевско-рюминского направления, для которого не свойственно видение сложных взаимоотношений летописных сводов.

Значительным явлением стало исследование А.Е.Пресняковым Царственной книги. Вся работа построена на сопоставлении изучаемого памятника с другими московскими сводами, имеющими сходный текст, прежде всего с Никоновской летописью. При этом автором осознавалось, что он идет по новой, непроторенной дороге. В результате исследования Пресняков пришел к выводу, что Царственная книга — это компиляция, при составлении которой использовалась «часть Никоновского свода дополненная вначале вставкой из Софийского временника, переделанного при помощи Степенной книги». Эта работа получила широкий отклик и высокую оценку в ученых кругах. Сам К.Н.Бестужев-Рюмин хвалил А.Е.Преснякова за «тщательное сличение рукописей, имеющих то же содержание и представляющих варианты основного текста», что и привело автора к его основным выводам.

Таким образом, еще до знакомства с трудами А.А.Шахматова А.Е.Пресняков уже имел опыт и собственные представления о методе работы с летописями XVI в. А.Е. Пресняков самостоятельно подошел к мысли о предшествующих сводах, лежащих в основе известных нам летописных текстов, и о необходимости их сравнительного изучения. Но это и были те главные положения, на которых строил в это же время свой метод А.А.Шахматов, хотя последний и пришел к нему другим, более сложным путем, а потому и более сложны были его конечные построения. Изложенные в ранних работах А.Е.Преснякова представления об этапах и задачах исследования летописей были основаны, прежде всего, на богатом практическом опыте сравни-

тельного изучения объемных летописных текстов. Поэтому он и был более, чем кто-либо другой из его коллег, готов к пониманию того направления, которое открылось в исследовании летописей с появлением работ А.А.Шахматова.

А.А.Шахматов высоко оценил работы А.Е.Преснякова и по выражению последнего предложил ему «оборонительный и наступательный союз против летописей», в связи с чем, очевидно, между ними были разграничены сферы исследования: Шахматов занимался летописными сводами XIV-XV вв., а А.Е.Пресняков — сводами XVI в. Личное влияние А.А.Шахматова на А.Е.Преснякова было значительным. Но сами грандиозные летописные компиляции, которыми он занимался, вносили некоторую специфику в работу, которая не могла идти строго по тому же пути, что и исследование сводов более ранних, которыми занимался А.А.Шахматов. Кроме того, особенности творческой индивидуальности А.Е.Преснякова были таковы, что он не был в исследовании летописей склонен к построению общих схем, как это делал А.А.Шахматов, и более тяготел к кропотливому исследованию отдельных памятников, тем более, что вопросы происхождения многих из них были в это время темами острых дискуссий. Примером подобного спора может служить полемика между А.Е.Пресняковым и А.И.Соболевским по вопросу о датировке Лицевого летописного свода. А.И.Соболевский отстаивал мнение, что этот памятник возник в XVII в. А.Е.Пресняков же, аргументировал другое положение, а именно, о составлении его в XVI в. Последующие изыскания в этой области подтвердили в основном правоту А.Е.Преснякова.

Еще одним ученым, который занимался близкими темами был П.Г.Васенко — исследователь Степенной книги. Как и А.Е.Пресняков, П.Г.Васенко был учеником С.Ф.Платонова, которому он, наряду с А.А.Шахматовым, выражал глубокую благодарность и посвящал свои статьи. Оба эти влияния — С.Ф.Платонова и А.А.Шахматова — чувствуются в работах П.Г.Васенко. От школы С.Ф.Платонова шел у П.Г.Васенко сам принцип построения работ — собственному исследованию в них всегда предшествовал максимально подробный разбор взглядов уже существующих в литературе по данному вопросу и показ их недостаточности или неудовлетворительности, что вызывало необходимость в пересмотре темы. Лучшее всего эта черта видна в самой известной работе П.Г.Васенко: «Книга степенная царского ро-

дословия и ее значение в древнерусской исторической письменности». В первой части ее можно найти тщательный анализ литературы и постановку на этой основе основных проблем о возможности начала работы над Степенной книгой до времени митрополита Макария и о ее авторстве. Вторая часть работы посвящена изложению результатов собственных колоссальных усилий П.Г.Васенко по сличению списков Степенной книги. Отличительной особенностью автора была особая корректность в построении рассуждений и выводов на их основе. Эту же корректность он ожидал увидеть и у других, и не раз отмечал у предшественников верные по существу выводы, которые нельзя, однако, принять в том виде, как они сформулированы. П.Г.Васенко отмечал сильные и слабые стороны любой аргументации. При этом он в равной степени объективно старался указать на слабые аргументы ученых, мнения которую разделял, и на сильные — своих противников (иногда даже добавляя сюда собственные аргументы). Он скептически относился ко всякого рода «догадкам и гипотезам». Главным принципом работы было у П.Г.Васенко стремление тщательно сличать тексты разных списков Степенной книги. Изученные списки были подразделены на группы и редакции. После этого исследователь перешел к решению вопроса об их соотношении и к характеристике текста протографа, так как он полагал, что дошедшие редакции восходят к общему протографу. И лишь затем он считал возможным перейти к рассмотрению вопроса о существовании Степенной до митрополита Макария, на который дал строго отрицательный ответ, и о составителе «Макарьевской» Степенной. Эта часть работы вызвала наиболее оживленные отклики и полемику. Но главный вывод — о Степенной как памятнике письменности XVI столетия, а никак не более ранних времен, как думали некоторые другие ученые — вошел в историографию и не был опровергнут.

Полученный материал позволил исследователю выделить два типа списков Степенной: тип списков со Сказанием о митрополите Алексии и тип списков без Сказания. Оба типа, по мнению П.Г.Васенко, восходят к одному протографу, составленному около 1563 г. Книга П.Г.Васенко о Степенной, является классическим образцом петербургского источниковедческого подхода.

Одновременно с П.Г.Васенко в Археографической комиссии работал С.П.Розанов. Он был выпускником Дерптского (ныне — Тартуского) университета, имевшего тесные связи с Петербургским

университетом, поэтому тяготел к петербургской школе как по своей выучке, так и по кругу тем. В 1900-е — 1920-е гг. С.П.Розанов продолжил исследование Русского Хронографа, начатое А.А.Шахматовым и другим знаменитым петербургским ученым, изучающим древние славянские тексты, В.М.Истриным. В это время большинство исследователей принимало мнение А.А.Шахматова о том, что первоначальная редакция Хронографа не сохранилась. До нас дошла более поздняя редакция 1512 г., представляющая сокращение первоначальной, и особая юго-западная редакция. Но В.М.Истрин полагал, что между ними существует иная связь, чем казалось А.А.Шахматову. Чтобы внести ясность в этот вопрос, С.П.Розанов полагал своей целью изучение и воссоздание первоначальной редакции Хронографа, особенно византийской его части, тогда как А.А.Шахматов занимался главным образом русскими статьями. Сравнительное изучение текстов привело С.П.Розанова к убеждению в существовании большего количества редакций, чем думали ранее. Привлечение некоторых дополнительных списков позволило выделить более поздние редакции. Восстановление первоначальной редакции Хронографа, как главная цель всей работы над его текстами, заставило С.П.Розанова размышлять над временем составления этой редакции. Отход от датировки А.А.Шахматова (1442 г.) несохранившейся первоначальной редакции Хронографа в сторону более поздней датировки, имел значение для последующего пересмотра вопроса о существовании древней редакции Хронографа в целом. И это же можно сказать о других выводах и наблюдениях С.П.Розанова, хотя цель восстановления первоначальной редакции Хронографа и не была им достигнута, как не были завершены вообще его исследования.

Итак, влияние трудов А.А.Шахматова на петербургских ученых было исключительным. То направление изучения летописей, которое существовало в Петербургском университете до А.А.Шахматова, связанное с работами К.Н.Бестужева-Рюмина, было основано на совершенно иных принципах. После появления работ А.А.Шахматова эти принципы продолжал отстаивать только И.А.Тихомиров. Все другие ученые, как историки, так и филологи, занимающиеся изучением древней письменности, признали новые возможности, заложенные в методе А.А.Шахматова. А.Е.Пресняков еще до знакомства с работами А.А.Шахматова практически пришел к необходимости сплошного сравнительного исследования списков летописей XVI в.

Другим примером соединения исторической школы С.Ф.Платонова и школы А.А.Шахматова явилось творчество П.Г.Васенко. Однако ни А.Е.Пресняков, ни П.Г.Васенко, хотя они и признавали влияние, выводы и метод А.А.Шахматова, не могут быть отнесены к его прямым продолжателям, потому, что они занимались летописями более позднего времени. Кроме того, оба они несли в себе черты платоновской школы. Хотя эта школа и не была связана прямо с изучением летописей, но она требовала определенных исследовательских процедур. Например, ученые школы Платонова иначе, чем А.А.Шахматов относились к предшествующей историографии и не видели себя вне традиции. Делать собственные выводы и излагать свои наблюдения считалось возможным, лишь определив недостаточность существующей литературы по каждому конкретному вопросу. Между тем, А.А.Шахматов строил свои исследования иначе. Подвергнув раз критике работы И.А.Тихомирова, он определил неприемлемость для себя старого подхода к летописям и уже больше, как правило, не возвращался к иным точкам зрения на исследуемые предметы. К летописным памятникам он подходил как к только что открытым текстам. Черты школы С.Ф.Платонова сказывались у А.Е.Преснякова и П.Г.Васенко также в большей по сравнению с А.А.Шахматовым осторожности выводов и оценок. По этой же причине они не были склонны, изучая историю текста, к чересчур смелым догадкам и гипотезам, а также к реконструированию. И А.Е.Пресняков, и П.Г.Васенко писали на темы, не затронутые А.А.Шахматовым и не стояли, поэтому, перед необходимостью принимать или не принимать в целом его схему истории летописания. Между тем, перед учеными, изучающими летописи более раннего периода, и принимающими метод А.А.Шахматова, стояла задача найти место своим наблюдениям и выводам в готовой системе.

Настоящий спор вокруг наследия Шахматова разгорелся уже после его смерти и появления первых работ его молодых последователей, в первую очередь М.Д.Приселкова. Тогда все внимание оказалось сосредоточенным на узловых моментах этой научной системы. Для тех, кто стал заниматься данными темами, необходимо было принимать ее целиком или же вносить свои поправки. Те же, кто не соглашался с А.А.Шахматовым в принципе, должны были работать над разрушением его конструкции. Действие в рамках схемы А.А.Шахматова либо борьба с ней и составляли содержание последующей эпохи.

§ 6. Алексей Александрович Шахматов

А.А.Шахматов был крупнейшим в истории науки исследователем русских летописей, создателем совершенно нового метода их изучения, а также создателем схемы, показывающей, как соотносятся тексты русских летописей между собой. Хотя А.А.Шахматов учился и начал научное творчество в Москве, но вторая половина его жизни, когда он стал членом Петербургской Академии наук, прошла в этом городе. Поэтому его, несомненно, можно считать петербургским ученым.

А.А.Шахматов родился в 1864 г. Рано потеряв родителей, он воспитывался в семье дяди в Саратовской губернии, затем поступил в Московскую частную гимназию Фр.Креймана. Преподавателем латинского и греческого языков в этой гимназии был знаменитый лингвист, профессор московского университета Ф.Ф.Фортунатов, ставшим его учителем на всю жизнь. Осенью 1879 г. А.А.Шахматов перешел в 4-ую гимназию, которую окончил в 1883 г. и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Там, под руководством Ф.Ф.Фортунатова, он стал заниматься сравнительными исследованиями славянских языков (научные исследования он начал еще гимназистом, посещал серьезные, «взрослые» заседания и считался в академических кругах Москвы — настоящим чудо-ребенком). В 1887 г. А.А.Шахматов окончил университет. Все были уверены, что из него получится блестящий московский профессор. Однако, неожиданно для всех, в 1891 г. он уехал работать земским начальником в Саратовский уезд, проведя там более трех лет, продолжая научные занятия. В 1894 г. он получил степень доктора наук и был избран адъюнктом⁷, а затем членом Петербургской Академии наук. С этого момента и до конца жизни А.А.Шахматов жил в Петербурге. С 1908 г. он стал профессором Петербургского университета.

Его работы по истории летописания открыли новую страницу науки. Ф.Ф.Фортунатов и его ученики, в том числе А.А.Шахматов, изучали общие корни восточной ветви индоевропейских языков, используя сравнительный метод. Именно Ф.Ф.Фортунатов был создателем в России школы сравнительного языкознания. А.А.Шахматов

⁷ Ученая должность в Петербургской Академии наук, адъюнкт мог быть затем избран экстраординарным академиком (членом Академии наук), как это произошло с А.А.Шахматовым.

как лингвист всецело следовал этому направлению, занимаясь выяснением происхождения русского языка. Для этого он уже в первых научных работах стал пользоваться древнерусскими письменными текстами. Из таких занятий вырос интерес к русскому летописанию, в изучении которого А.А.Шахматов совершил настоящий переворот. Переворот этот заключался в том, что А.А.Шахматов применил к летописям тот метод, каким лингвисты изучают происхождение языков. Он увидел в летописях единую семью, подобную языковой семье, все члены которой связаны друг с другом. Эту сложную систему родственных связей он и исследовал, добираясь до родоначальников известных нам текстов.

Шахматовский метод дал блестящие результаты. Были открыты гипотетические летописные своды — протографы сохранившихся летописей. Древнерусская культура явила новую, доселе неизвестную страницу. Труды А.А.Шахматова произвели глубокое впечатление на всех историков и филологов, изучающих русскую древность. У него появились ученики и последователи, хотя некоторые выводы воспринимались как современниками, так и потомками, критически. А.А.Шахматов занимался летописями параллельно с исследованиями в области языкознания до самой смерти. Ему удалось изучить практически все, известные на то время летописи до XVI в. включительно, и определить место в общей схеме летописания для каждой из них, хотя бы предположительно. Такая работа была под силу лишь незаурядному, прекрасно организованному уму. После смерти А.А.Шахматова на протяжении всего двадцатого века построенную им схему истории летописания продолжали изучать, уточнять или критиковать поколения историков и филологов. Ни один серьезный исследователь летописей не мог, да и не сможет в дальнейшем, пройти мимо работ А.А.Шахматова, как бы он к ним не относился.

А.А.Шахматов, возможно, ярче других своих ученых современников олицетворял то главное, что было привнесено в гуманитарную сферу эпохой «Серебряного века». Речь идет именно о том направлении, которое отошло от чистого позитивизма, так долго бывшего основой русской ученой традиции, и обратилось к глубокому анализу основ русской культуры и «древнейших судеб русского племени» (так называлась последняя большая работа Шахматова), вырабатывая для этого сложные исследовательские процедуры. Но А.А.Шахматов не был просто кабинетным ученым, оторванным от жизни. Либерал по

убеждениям, в 1905 г. он стал членом партии кадетов, членом Государственного совета, где активно выступал в защиту прав малых народов — финнов, литовцев, грузин, малороссов. А.А.Шахматов боролся за сохранение университетской автономии, за права студентов. Он поддержал революцию февраля 1917 г., но не принял октябрьский переворот.

В наступившее затем для интеллигенции тяжелое время остался в Петербурге, продолжал преподавание, поддерживал коллег. В 1919 г. его семья (жена, трое дочерей, две сестры и старая тетя) уже голодала, продали все, что можно было продать, вместо чая пили траву без сахара. Сам Шахматов был одет в разбитые боты и разодранные калоши. Он стойко переносил физические страдания, и зимой 1919–1920 г. имел еще силу и мужество читать перед тремя оставшимися слушателями лекции в университетской аудитории, где было несколько градусов мороза, и работать над синтаксисом русского языка. Это были короткие промежутки отдыха между ноской, пилкой и колкой дров и участием в многочисленных комиссиях. Коллеги и друзья А.А.Шахматова считали, что именно непосильная физическая работа подорвала его силы. Ему приходилось самому надрывать от непосильной тяжести: на морозе носить себе в квартиру со двора бревна для печей, распиливать их и колоть дрова. Потом для спасения от разграбления и гибели библиотек близких ему по научным интересам лиц, А.А.Шахматов сам хлопотал над перевозкой книг в Академию, грузил и разгружал подводы собственными руками, не жалея сил, носил тюки на своих плечах. Все это в сочетании с крайним истощением, послужило причиной внезапной болезни. Доктор, его лечивший, нащупал гангренозную опухоль в кишечнике, на консилиуме было принято решение о срочной операции, но она опоздала. Рано утром 17 августа 1920 г. А.А.Шахматов скоропостижно скончался в больнице и был похоронен на Смоленском кладбище. Весть о его смерти облетела все научные центры Европы, вызвав горький отклик ученого сообщества. Все понимали, что в сущности А.А.Шахматов умер от голода.

В Известиях Российской Академии наук был напечатан некролог, прочитанный его коллегой профессором В.М.Истриным на общем собрании Академии наук. В нем говорилось: «При современных условиях жизни мы как-то привыкли к мысли о смерти и только лишь задаем себе вопрос, чья будет ближайшая очередь покинуть здешний мир. И, однако, неожиданность смерти А.А.[Шахматова] невольно

поражает и ставит в недоумение. Как будто какой-то вихрь внезапно налетел, вырвал на глазах у всех ценное дерево и унес его куда-то в воздушное пространство, оставив после себя лишь пустую глубокую яму, около которой собрались пораженные внезапностью невольные свидетели». Так погиб один из величайших русских ученых. Вспоминают, что незадолго до смерти, нуждаясь во всем, он посчитал, тем не менее, обязательным для себя взять в дом старого и немощного курьера Рукописного отдела Академии наук Илью, который у него умер и им был похоронен.

* * *

Появление гениев в науке — всегда загадка. А.А.Шахматов как никто может претендовать на такую оценку. Его личность была крайне оригинальна и многообразна. Поэтому, никто из его последователей не смог быть продолжателем в полном смысле слова. Все они развивали какую-то одну сторону творческого наследия Шахматова. Но все же, появление такой личности именно в конце XIX — начале XX вв. связано и с особенностями положения науки в России этого времени. Уже середина XIX в. в России ознаменовалась отходом в прошлое энциклопедического образования, ориентированного на создание многотомных трудов в различных областях. Вместо этого появляются углубленные разработки отдельных вопросов, а значит, возникают отдельные школы и направления. Первоначально они были заимствованы из Европы, но творчески усвоены и затем развиты несколькими поколениями русских ученых. На историю изучения древних текстов наибольшее влияние оказали мифологическая и культурно-историческая школы.

Школа мифологов была создана в Германии в конце XVIII — начале XIX вв. братьями Яковом и Вильгельмом Гриммами. Занимаясь сравнительным языкознанием и написав ряд классических трудов в этой области, они перешли затем к изучению индоевропейской мифологии, применив ту методологию, которая до этого использовалась лингвистами на материалах языка. В основе работ братьев Гримм лежала идея о том, что первоначально, еще до расселения индоевропейских племен с их общей прародины, у них существовала и общая первобытная мифология, некие «прамифы». Следы их сохранились в фольклоре индоевропейских народов, в первую очередь и в наиболее

чистом виде — у германцев. Путем сравнительного анализа данных фольклора, эти авторы занимались реконструкцией лежащих в их основе «праязыков», подобно тому, как лингвисты реконструировали «праязык», изучая и сравнивая между собой живые родственные языки. Идеи сравнительной мифологии после трудов братьев Гримм приобрели необыкновенную популярность и вскоре стали известны в России. Ф.Ф.Фортунатов — был учеником одного из русских «мифологов» Ф.И.Буслаева. Школа мифологов и ее метод, несомненно, повлияли и на Ф.Ф.Фортунатова, и на сравнительное языкознание в России в целом. А ученик Ф.Ф.Фортунатова А.А.Шахматов применил этот метод к летописям.

Другим научным течением, распространенным во времена А.А.Шахматова, было т.н. культурно-историческое направление. Главная идея его, идущая от трудов французских историков литературы И.Тэна и Ф.Брюнетьера, заключалась в том, что художественное произведение нужно изучать в связи с культурной обстановкой, его породившей. Для представителей этого течения не было различия, изучать ли великое произведение, или же творчество малоизвестного писателя. Главная задача заключалась в проникновении в породившую их среду. Часто такое исследование выливалось просто в изучение «Среды». В конце XIX — начале XX вв. культурно-историческое направление прочно вошло в научное сознание и в университетские курсы в России. В русле культурно-исторического направления сформировалось несколько поколений ученых, в том числе и специалистов по древнерусской письменности. Среди них можно выделить выдающегося петербургского ученого, коллегу Шахматова по изучению древних текстов В.М.Истрина и многих других. С течением времени для представителей этого направления все большее значение приобретало понятие «текста» и «критики текста» как в философском плане, так и в отношении метода исследования. Текстология — это наука о происхождении и истории складывания текстов, вначале древних (Священное писание), но потом методы, полученные при изучении текстов Священного писания, были перенесены на позднейшие тексты, имеющие разветвленную рукописную традицию. С середины XIX в. в европейской текстологии господствовала теория «общих ошибок», выдвинутая немецким ученым Карлом Лахманом, хотя и подвергнутая в конце века критике со стороны француза Шарля Бедье. В России во времена Шахматова как раз стали появляться

специальные исследования по методам текстологии древнерусской литературы. Особенно следует отметить работу киевского, а затем петербургского семинара профессора В.Н.Перетца (см. § 11).

Как видим, творчество Шахматова возникло на волне общего расцвета в изучении древнерусской письменности конце XIX — начале XX вв., и конечно, это не может считаться случайным. При формировании своем как ученого он мог питаться многими идеями и воспринять методы, которые, будучи изначально продуктами западной мысли, были усвоены и творчески развиты на русской почве еще поколением его учителей и продолжали быть в центре внимания его современников и коллег. Начиная с 1890-х гг. А.А.Шахматов работал одновременно в двух областях: как лингвист и как специалист по летописям. В последнем варианте он со временем все больше склонялся в сторону собственно истории. Историк по его собственному признанию «прорастал» в нем в течение всей жизни.

А.А.Шахматов сам осознавал зависимость своего подхода к исследованию летописей от своего лингвистического опыта. Он писал, что подобно тому, как исследование языка не может оставаться на почве одного языка, и становится научным только после привлечения к сравнению данных нескольких родственных языков, так же и исследователь текста должен, прежде всего, подвергнуть этот памятник сравнительному изучению с ближайшими, наиболее сходными с ним для того, чтобы определить историю развития исследуемого памятника и восстановить его первоначальный вид.

А.А.Шахматов в своих изысканиях считал крайне важным привлекать с возможно большей полнотой все доступные материалы. Он работал сразу со многими летописными текстами, мог держать в голове огромное количество материала — около двухсот летописей. И принципиальным в методе Шахматова было то, что для работы с каждым конкретным летописным текстом нужно привлекать все известные летописи, как ранние, так и поздние, в которых есть сходство с этим текстом. А значит — нужно держать в голове и всю схему истории летописания. Такое требование делает и до сих пор исследование летописей высшей стадией мастерства специалиста. После смерти А.А.Шахматова был найден огромный труд, только частично изданный впоследствии: «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» А.А.Шахматов писал его для себя, возможно, когда-нибудь, думая издать. Каждый раздел этого труда, посвященный конкретной

летописи, заканчивался характеристикой «Повести временных лет», читаемой в ее составе.

Сравнение летописных текстов А.А.Шахматов проводил как можно более детально, исследуя изменения даже мелких его элементов, например, орфографии. За это, кстати сказать, его многие критиковали впоследствии, полагая, что он часто строил свои выводы о родстве текстов на основе анализа слишком мелких особенностей языка и орфографии. Присутствие или отсутствие того или иного слова в письменном источнике являлось для него отправной точкой для целой цепи наблюдений и выводов. Блистательные образцы такого рода «микроскопического анализа» летописного текста можно обнаружить во многих трудах ученого. В наибольшей степени, быть может, это явление характерно для его главного прижизненного труда, который был опубликован в Петербурге в 1908 и называется «Разыскания о древнейших русских летописных сводах».

Приведем два примера, ставших классическими. Текст «Повести временных лет» во многих местах совпадает с текстом Новгородской 1 летописи⁸. Сравнивая рассказ о завоевании Киева, А.А.Шахматов задался целью объяснить известное противоречие, заключающееся в том, что в «Повести временных лет» главными действующими лицами этого события названы Олег и Игорь, а в Новгородской 1 — только князь Игорь, при котором Олег является лишь воеводой. В древнерусском языке (в отличие от современного русского) кроме единственного и множественного числа глагола существовало еще двойственное число. Оно применялось, когда в тексте шел рассказ о действиях пары персонажей. А.А.Шахматов заметил, что в Новгородской 1 употребляется как множественное число, так и двойственное, а в «Повести временных лет» — в основном единственное. В основе текста и «Повести временных лет» и Новгородской 1 летописи, как полагал А.А.Шахматов, лежит общий, еще более древний источник, который исследователь назвал Начальным сводом (а он опирался на еще более древний). Но Новгородская 1 летопись отразила Начальный свод лучше. И поэтому в ней осталось это смешанное употребление двух видов чисел как это было в Начальном своде. В древнейшем источнике Начального свода на равных основаниях действовали оба

⁸ Точнее, речь идет о сравнении «Повести временных лет» с Новгородской 1 летописью Младшего извода (младшей редакции), но для сокращения здесь и далее будем именовать ее просто Новгородской 1 летописью.

князя и было употреблено, поэтому, двойственное число. Составитель Начального свода в большинстве случаев при переделке текста заменил его на множественное, но сохранилось и двойственное. В «Повести временных лет» обработка текста была более глобальной, т.к. нужно было сделать лишь одного действующего героя.

Для лучшего понимания того метода, который использовал А.А. Шахматов и того материала, с которым он работал, в таблице помещены отрывки текста из «Повести временных лет» и Новгородской 1 летописи. Текст описывает захват Киева в 882 г. князьями Олегом и Игорем.

Повесть временных лет	Новгородская 1 летопись
<p>В лето 6387 умершу Рюरिकови, предаст княженье свое Олгови, от рода ему суша, въдав ему сын свой на руце Игоря, бе бо детеск вельми...</p> <p>...В лето 6390. Поиде Олег, поим воя многи варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи, и приде к Смоленску с кривичи, и прия град, и посади мужи свои. И придоста к горам киевским, и уведа Олег, яко Осколд и Дир княжита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а сам приде, нося Игоря детьска. И приплу под Угорьское, похоронив⁹ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко гость есмь, идем в греки от Олга и от Игоря княжича...</p>	<p>...и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владети един. И роди сын, и нарече имя ему Игорь. И возрастшу же ему, Игорю, и бысть храбор и мудр...</p> <p>И бысть у него воевода, именован Олег, муж мудр и храбор. И начаста воевати, и налезоста Днепр реку и Смоленск град. И оттоле поидоша вниз по Днепру, и приидоша к горам киевским, и узреста город Киев, и испыташа, кто в нем княжит; и реша: два брата Асколд и Дир. Игорь же и Олег, творящася¹⁰ мимоидуша, и потаистася в лодьях, и с малой дружиной излезоста на брег, творящася подугорьскими гостями, и созваста Асколда и Дира...</p>

Цит. по: Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М. 1997; Новгородская 1 летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М. 2000. С. 107.

Задание: Сравните тексты между собой. В чем их различие? В чем сходство? Найдите в обоих отрывках места, где употреблено двойственное число

⁹ Т.е. спрятав.

¹⁰ притворяясь.

(окончание глаголов на *-оста, -еста*), и множественное число (окончание на *-оша, -иша*). В котором из текстов остаток двойственного числа более заметен? Что это говорит о сложной структуре летописного текста? Дает ли сравнение этих двух отрывков основание для единственно возможного вывода о том, какой из них лучше сохранил древний источник? Очевиден ли этот вывод? Если нет, то почему? Что нам говорят эти отрывки о сложности работы по сравнению летописей?

Другой, не менее известный пример — анализ А.А.Шахматовым вставных эпизодов в тексте Начального свода и «Повести временных лет». А.А.Шахматов заметил в одном месте одинаковую словесную конструкцию, включающую слова: «... и приспе осень...» (т.е. «и пришла осень») дважды употребленную. Она стоит первый раз в начале рассказа о смерти князя Олега, и затем повторена в начале описания похода князя Игоря за данью, закончившегося его гибелью. А.А.Шахматов пришел к заключению, что первоначально фраза была употреблена лишь однажды, относясь к Игорю, т.к. это соответствовало реальности — дань собиралась осенью (осеннее полюдье). А значит, вся легенда о смерти князя Олега по предсказанию, которая помещена между этими двумя одинаковыми фразами, являет собой позднейшую вставку.

Повесть временных лет	Новгородская I летопись
<p>И живяше Олег мир имея ко всем странам, княжа в Киеве. И приспе осень, и помяну Олег конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо вопрошал волхвов и кудесник: от чего ми есть умерети? И рече ему кудесник один: Княже! Конь, его же любиши и ездиси на нем, от того ти умерети. Олег же приим в уме, си рече: николи не всяду на нь, ни вижу его боле того. И повеле кормити и не водити его</p>	<p>Иде Олег к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же сказуют, яко идушу ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозе. Игорь же седяше в Киеве княжа, и воюя на древляны...</p>

¹¹ пока не.

к нему, и пребы неколико лет не виде его, дондеже¹¹ на грекы иде. И пришедшу ему Киеву и пребывышу 4 лета, на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекливолсвиумрети... И прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лоб гол, и сседе с коня, с посмеяся рече: От сего ли лба смерть было взяти мне? И вступи ногою на лоб; и выкинувши змия изо лба, и уклону в ногу. И с того разболеся и умре...

...Игорь же нача княжити в Киеве, **мир имея ко всем странам.** И приспе осень, и нача мыслити на древяны, хотя примыслити большую дань...

Цит. по: Лаврентьевская летопись. С. 20–21, 27; Новгородская 1 летопись... С 109–110.

Задание: Сравните оба отрывка. Найдите то повторяющееся выражение, которое дало основание А.А.Шахматову увидеть в одном из текстов позднюю вставку — «расслоить» этот текст. О чем, по-вашему, говорит различие рассказа в двух летописях? Если гипотеза А.А.Шахматова о Начальном своде — единой древней основе Повести временных лет и Новгородской 1 летописи — верна, то как, по-вашему, выглядел рассказ о смерти Олега в Начальном своде?

Таким же точно образом Шахматов увидел, что рассказ о «четвертой мести» княгини Ольги также является более поздней вставкой. Он помещен между одинаковыми частями искусственно разорванной фразы: «... и победиша древяны и наложиша на ня дань тяжку» (т.е. «и победили древян и наложили на них дань тяжелую»). Первая часть этой фразы оказалась помещенной до рассказа о четвертой мести, а окончание фразы — после этого рассказа.

Особенностью творчества Шахматова было то, что он постоянно пересматривал собственные научные выводы, уточнял их или даже от-

казывался от них. На это способны лишь большие ученые. Действительно, при постоянном творческом поиске возникают все новые и новые вопросы и недоумения. Ученик А. А. Шахматова М.Д.Приселков даже писал в связи с этим о некоторой «видимой неустойчивости» выводов Шахматова в глазах многих его читателей. Как писал В.М.Истрин. «... появлявшиеся одна за другой» статьи А.А.Шахматова «приучили исследователей к мысли, что взгляды автора еще не установились окончательно, что процесс его творчества еще продолжается, и что каждая следующая статья будет вносить новые данные в прежние положения». Именно в связи с этим многие спорные положения А.А.Шахматова не были оспорены коллегами при его жизни.

Еще одной особенностью творчества А.А.Шахматова было его стремление даже из малого количества данных делать предположения, строит гипотезы и просто догадки о древних этапах летописания. Он считал себя обязанным отвечать на все вопросы, возникающие при сравнении летописей, пусть даже предположительно. Стремление Шахматова дать объяснение абсолютно всем имеющимся у него фактам (как языковым, так и касающимся летописей) обусловило и особый способ построения им своей аргументации. У А.А.Шахматова «решительно все факты находят себе место и объяснение в его системах и притом зачастую оказываются нанизанными на разветвления одной и той же идеи». К одной и той же мысли Шахматов подходит с разных сторон, то ближе, то дальше, но двигаясь к единой цели. Причем, взятые по одиночке цепи его рассуждений не являются достаточными, рвутся, но в совокупности они создают впечатление нерушимого монолита, который невозможно поколебать, как невозможно обычному человеческому уму удержать в памяти и проследить все нюансы взаимодействия текстов и сложное переплетение логических умозаключений, возникших на основе их анализа так, как это было свойственно незаурядному уму Шахматова.

Склонность к реконструированию — еще одна черта А.А.Шахматова. Он видел реконструкцию древнейших этапов летописания своей задачей. Так, исследование о древнейших русских летописных сводах венчала публикация составленной им реконструкции Древнейшего киевского свода и Древнейшего новгородского свода (лежащих в основе Начального свода). Причем эти реконструкции, хоть и данные в приложении к исследованию, по сути своей не воспринимались автором как нечто дополнительное, а прямо расцени-

вались им как «главный результат ... исследования». Другим типом реконструкции было издание А.А.Шахматовым «Повести временных лет». Это также не была публикация реально существующего летописного текста, но это было изданием первоначальной редакции известного летописного текста, к тому же снабженным исследованием и разложенным на источники. Еще одним примером реконструкции было воссоздание А.А.Шахматовым первоначального вида Повести о крещении Владимира и ее второго варианта, названного исследователем «Корсунской легендой». Сравнительный анализ был главным инструментом Шахматова при создании его реконструкций. Но он часто, как в работе о «Корсунской легенде», кроме того, вводил в процессе реконструкции текста психологические мотивировки. Так, анализируя рассказ «Повести временных лет» о беседе князя Владимира Святославича с православным монахом, который именуется в тексте летописи греческим Философом, Шахматов заметил, что после длинной речи Философа Владимир отвечает на следующее затем предложение креститься: «Пожду еще мало». С точки зрения А.А.Шахматова эта фраза является психологически необъяснимой. Речь Философа, как и нарисованная им картина Страшного суда, поразила Владимира. И если он не соглашается креститься немедленно после этого, то весь отрывок сразу же теряет смысл, и даже может быть понят так, что усилия христианского проповедника и его аргументы не увенчались успехом. По выражению исследователя, слова Владимира «коробят самого летописца» и влекут за собой «странный» комментарий о том, что Владимир якобы хотел еще раз «испытать» обо всех верах. Этот комментарий еще более укрепляет исследователя в его предположении, что здесь налицо обрыв текста источника. В летописи оказываются соединенными несколько версий о крещении Владимира. Первый, наиболее древний рассказ повествовал о крещении Владимира в Киеве в результате речи Философа, но составитель «Повести временных лет» убрал его концовку, не доведя, таким образом, еще Владимира до крещения, поскольку в его распоряжении уже имелся другой рассказ о крещении Владимира в Корсунь («Корсунская легенда»). Летописец соединил обе версии. И, таким образом, получилось, что в тексте летописи после изложения речи Философа и рассказа об «испытании о верах» говорится, наконец, о походе на Корсунь¹² и крещении, как условия женитьбы на греческой царевне Анне. На это же

¹² Корсунь или Херсонес, греческий, а затем византийский город в Крыму.

обстоятельство указывают, по мнению А.А.Шахматова, и некоторые психологически иначе не объяснимые особенности изложения в летописи самой «Корсунской легенды». Так, Владимир, уже решившийся креститься, спрашивает у бояр: «где крещение примем?» На это бояре отвечают: «где тебе любо». Ясно, продолжал рассуждать А.А.Шахматов, что «крещение русской земли может произойти только в самой этой земле», и значит, летописцу понадобились эти вопрос и ответ для того, чтобы как-то объяснить факт принятия крещения в Корсуни. И далее, на основании полученных таким образом заключений, А.А.Шахматов строит весь дальнейший анализ текста.

Восстановление первоначального вида «Повести временных лет» и ее источников, решение вопроса о происхождении русской летописи, а затем восстановление картины последующего развития летописания — вот в чем заключалась главная задача его творчества. В области лингвистики она выдвинулась в разрешении проблемы происхождения русского языка, его наречий и говоров. В совокупности же языковедческой и источниковедческой сторон это был, конечно, вопрос о происхождении русского народа, то есть вопрос, по масштабу своему как раз соответствующий размеру творческого дарования А.А.Шахматова.

А.А.Шахматов был убежден в неограниченных возможностях сравнительно-исторического метода. Он не обходил сложных, даже неразрешимых вопросов. Идеей «победы» над текстом, над временем, этот текст затуманившим, над чередой летописцев, его сознательно изменявших, проникнуты работы А.А.Шахматова. С этим связано и восприятие А.А.Шахматовым работы летописца. М.Д.Приселков с восторгом писал о том, что «из истории нашей умственной жизни рукою А.А. удален надуманный и пустой образ летописца — монаха, далекого от жизни и мирской суеты». В работах А.А.Шахматова есть эффект присутствия, он часто писал так, как будто знал, как думал летописец, какие цели заставляли его переделывать текст летописи, каковы были его затруднения.

Гипотеза о Начальном своде была выдвинута Шахматовым главным образом на основании сравнительного изучения текстов «Повести временных лет» и Новгородской 1 летописи. Высказывания и наблюдения по этому сюжету разбросаны во многих работах А.А.Шахматова. Но общего исследования о Начальном своде он не написал. Он собирался посвятить этому вопросу второй том своего

издания «Повести временных лет», но замысел этот остался неосуществленным. Как и в других случаях, точка зрения А.А.Шахматова на Начальный свод несколько раз менялась, но основная идея осталась неизменной. Основные выводы следующие:

— Начальный свод — общий источник, положенный в основу «Повести временных лет» и Новгородской 1 летописи, был составлен в киевском Печерском монастыре около 1093 г. (или 1095 г.), предположительно, игуменом этого монастыря Иваном.

— древнейший период русской истории был изложен в Начальном своде несколько иначе, чем в «Повести временных лет» (и это сохранилось в Новгородской 1)

— хронология Начального свода не совпадает с хронологией «Повести временных лет»

— в Начальном своде не было некоторых рассказов, вставленных затем составителем «Повести временных лет» (сказания о Кирилле и Мефодии, предания об обрах, об апостоле Андрее и обычаях славян, легенд о юноше-кожемяке, белгородском киселе и др.)

— в Начальном своде не было договоров руси с греками 912, 945 и 971 гг.

— составитель Начального свода, как и составитель «Повести временных лет», использовал византийские хроники, однако, это были разные варианты хроник, и в разном объеме.

Попытки пересмотреть гипотезу А.А.Шахматова о Начальном своде и представить Новгородскую 1 летопись как простую переделку «Повести временных лет» предпринимались неоднократно в прошлом и продолжают до настоящего времени. Но, несмотря на выдвигавшиеся другие варианты объяснения соотношения «Повести временных лет» и Новгородской 1, пока концепция А.А.Шахматова осталась неопровергнутой. Более того, она, получила некоторое развитие и подтверждение уже в наше время в работах ученых, которые занимаются византийскими хрониками и их переводами на Руси. Еще А.А.Шахматов показал, что Новгородская 1 летопись не знает заимствований из самой известной византийской хроники — хроники Георгия Амартола а лишь из компилятивного хронографа, основанного на этой и других хрониках, который называют обычно Хронографом по Великому изложению. Напротив, «Повесть временных лет» излагает историю русско-греческих отношений по полному тексту Георгия Амартола. О.В.Творогов и его последователи проанализировали

все параллели между «Повестью временных лет» и хроникой Георгия Амартола. В результате они увидели некоторые места «Повести временных лет», где явно есть остатки текста именно Хронографа по великому изложению, а не Георгия Амартола. Этому может быть лишь одно объяснение: эти места — остатки переработанного текста Начального свода.

Следующие выводы касались источников самого Начального свода. А.А.Шахматов полагал, что в основе его лежал еще более древний летописный текст — Древнейший свод, составленный в Киеве около 1039 г., связанный своим созданием с основанием русской митрополии и просветительской деятельностью Ярослава Мудрого. Древнейший свод основывался на многочисленных источниках, среди которых А.А.Шахматов указывал гипотетическую болгарскую летопись, отдельные сказания (о княгине Ольге, о Владимире Святом, варягах-мучениках, Борисе и Глебе), серию народных преданий. В дальнейшем Древнейший свод попал в Печерский монастырь, где был продолжен в 1073 г. монахом Никоном. Но еще до этого Древнейший свод попал в Новгород. Там на его основе около 1050 г. возник при епископской кафедре местный Древнейший Новгородский свод, который был также впоследствии около 1079 г. продолжен чисто новгородскими сообщениями. Наряду с «Повестью временных лет» он лег в основу новгородского владычного свода 1167–1168 гг. (свода новгородских архиепископов). Это построение было позднее также подвергнуто критике. Д.С.Лихачев, например, полагает, что первоначальным ядром летописи был не Древнейший свод, а неразделенное по годам известие о распространении христианства. Другие ученые предлагали другие варианты. Споры о первоначальной основе древнерусской книжности, очевидно, не расчлененной еще на погодное изложение, продолжают до сих пор.

Еще одной важнейшей проблемой, над которой Шахматов работал всю жизнь, была проблема истории текста «Повести временных лет», проблема ее редакций. Наиболее развернутое представление об этом было дано А.А.Шахматовым во введении к изданию «Повести временных лет». Первая редакция была составлена в киевском Печерском монастыре. Сначала А.А.Шахматов считал временем составления 1110 г., но затем высказал мысль о том, что ее автор довел изложение до 1112 г. После смерти киевского князя Святополка Изяславича летопись попала в киевский Выдубицкий монастырь, связанный с

соперником Святополка Изяславича Владимиром Монахом и его родом. В 1116 г. игумен этого монастыря Сильвестр переработал «Повесть временных лет» в выгодном для Владимира Монаха духе, так что первоначальная редакция «исчезла». Князь Святополк оказался в тексте лицом, скорее отрицательным, в противоположность его сопернику Владимиру Мономаху, превратившемуся в главного героя последней части «Повести временных лет». Именно с этой целью Сильвестр вставил в текст и летопись попа Василия об ослеплении князя Василька Теребовльского, компрометирующую Святополка и возвеличивающую Владимира.

Сильвестровская редакция «Повести временных лет» сохранилась в Лаврентьевской летописи, Радзивиловской и Московско-Академической летописях. Вопрос о роли Сильвестра (составитель редакции 1116 г. или просто переписчик?) — до сих пор обсуждается в научной литературе. Третья редакция «Повести временных лет» (по А.А.Шахматову) была создана в 1118 г. Она сохранилась, в основном, в Ипатьевской летописи и Хлебниковской летописи. Шахматов полагал, что эта редакция содержала в завершающей части дополнительные известия, касающиеся Владимира Мономаха, и ее составление было связано с князем Мстиславом Владимировичем, старшим сыном Владимира Мономаха. Сложность решение вопроса о третьей редакции «Повести временных лет» видел и сам А.А.Шахматов, отмечают это и другие ученые. Дело в том, что в списках Сильвестровской редакции (второй редакции) есть места явно вторичные по сравнению со списками Ипатьевской группы. А.А.Шахматов полагал, что ни один из дошедших до нас списков второй и третьей редакции не содержит текст этих редакций в чистом виде: в списках второй редакции заметно вторичное влияние третьей редакции, а в списках третьей редакции — списков второй редакции. Поэтому редакция «Повести временных лет» для Шахматова — это нечто гипотетическое, не сохранившееся, результат реконструкции. Вопрос о третьей редакции «Повести временных лет» является спорным. Современные исследователи не сходятся во взглядах по этому вопросу: некоторые принимают ее существование, другие — отрицают.

А.А.Шахматов не ограничивался ранними текстами, отражающими начало русского летописания. В «Обзрении русских летописных сводов XIV–XVI вв.», как и в прижизненных статьях А.А.Шахматова, восстановлена и вся дальнейшая история летописания. Поскольку

летописного материала за более поздний период гораздо больше, чем за ранний, то и исследования этих текстов производят впечатление большей строгости и доказательности, гипотезы А.А.Шахматова — большей необходимости. Поэтому они не так подвергались критике и всегда считались менее уязвимыми для нее.

Сравнительное изучение Лаврентьевской летописи, Радзивиловской летописи и Летописца Переяславля Суздальского дало Шахматову возможность выявить несколько сменяющих друг друга владимирских и ростовских сводов, так или иначе в них отраженных: древние суздальские записи, владимирский свод 1185 г., владимирский свод 1193 г., владимирский свод начала XIII в., отраженный в своде Переяславля Суздальского 1216 г., ростовский свод XIII в. Это же сходство навело его на мысль о существовании центра летописания на юге Руси в Переяславле Русском¹³, в котором велись два летописца: княжеский и епископский. Они отразились во владимирском своде 1185 г. и владимирском своде начала XIII в. Другим центром летописания на юге продолжал в XII—XIII вв. оставаться Киев, где в 1198 г. был создан Выдубицкий свод, наряду с черниговским, галицко-волынским и владими́ро-суздальским летописанием отразившийся в Ипатьевской летописи. Сравнение Лаврентьевской, Радзивиловской, Ипатьевской и Новгородской 1 летописей привело Шахматова к мысли о восхождении их к общему источнику — гипотетическому Владимирскому Полихрону начала XIV в. — общерусскому митрополичьему своду. Этому памятнику А.А.Шахматов уделял особое внимание, ставил его в центр своей схемы. От Полихрона шли линии к многочисленным ветвям летописного древа последующего времени и, прежде всего, к московскому летописанию начала XIV в. Оно отразилось в Троицкой летописи, сгоревшей в 1812 г., но известной Шахматову по цитатам М.Н.Карамзина и благодаря некоторым сходным летописям. Следующим важным этапом было составление митрополичьего Полихрона 1423 г. (Полихрона Фотия), в котором новгородские известия были соединены с ростовским владычным сводом 1418 г. Этот Полихрон, по мысли Шахматова, был использован в Ермолинской летописи и в новгородском летописании. В Новгороде Полихрон привлекли при составлении свода 1432 г., от которого произошла, во-первых, Нов-

¹³ Переяславль Русский или Южный в Поднепровье. Не путать с Переяславлем Суздальским (Залесским), в Залесской земле (будущее Владимиро-Суздальское княжество).

городская 1 летопись, а во-вторых, свод 1448 г. Последний, будучи новгородским по происхождению, восходил к местной летописной традиции. Но, будучи общерусским по характеру, свод 1448 г. породил сразу две группы летописей (два летописных «семейства» по терминологии А.А.Шахматова): Софийскую 1 и Новгородскую 4 летописи, по которым он и реконструируется. Софийская 1 летопись через цепь отразивших ее московских сводов наряду с ростовским летописанием легла в основу всего общерусского летописания последующего времени. Особенно показательна история обнаружения А.А.Шахматовым московского свода 1479 г. А.А.Шахматов сначала предположил, что этот свод можно выделить в составе так называемой Ростовской летописи, разложив ее на гипотетические источники. Затем он нашел отдельный его список — Эрмитажный, а также отражение свода 1479 г. в так называемой Новгородской летописи Дубровского. Еще позднее М.Н.Тихомиров обнаружил более ранний Уваровский список. Исследуя затем Никаноровскую и Великопермскую (Вологодско-Пермскую) летописи, А.А.Шахматов обнаружил их общий источник — московский свод 1472 г., более старший, чем свод 1479 г. Первая же редакция московского свода была создана по Шахматову в 1456 г. В дальнейшем эти московские своды подвергались сокращениям, были продолжены и расширены новыми известиями. Так возникли Типографская, Симеоновская, Софийская 2, Львовская, Воскресенская, Иоасафовская летописи. По тому же принципу возникли и более сложные по составу Никоновская летопись, Русский Хронограф, Новгородская 5 летопись.

Такова в самых общих чертах схема русского летописания по А.А.Шахматову. Ее главным достоинством, которое трудно переоценить, является ее всеобъемлющий характер. А.А.Шахматов успел в этом построении определить место каждого из известных ему летописных памятников. А поскольку почти все летописные тексты за период до XVI в. были в его время уже открыты (многие — его собственными стараниями), то дальнейшая работа нескольких последующих поколений ученых с неизбежностью заключалась в уточнении, доработке или исправлении отдельных звеньев этой грандиозной системы. В сущности, вся дальнейшая история изучения летописания в XX веке — это споры с Шахматовым по отдельным моментам его схемы, причем, вне зависимости от того, идет ли речь о последователях или же, о противниках его концепций. Любое

исследование по истории летописания до середины XVI в. должно начинаться с рассмотрения точки зрения Шахматова на рассматриваемый вопрос.

Прочитайте отрывок из книги А.А.Шахматова и ответьте на вопросы:

Летописец следит за образованием и ростом Русской земли; он отмечает с большою последовательностью постепенный ход объединения тех земель, которые в его время находились под рукой Ярослава. Ко временам Олега он относит покорение русскому владычеству, исходившему из Киева, из земли полян — кривичей, мери и словен новгородских, которых называет варягами; Игорь покорил угличей¹⁴ и древлян, Ольга и Святослав довершили покорение древлян; Святослав покорил вятичей; Владимир довершил покорение вятичей; он покорил еще радимичей и хорватов, отобрал у ляхов¹⁵ Червенские города и присоединил к своим владениям землю ятвягов¹⁶. Границы Русской земли вызывают в летописце живое представление; он отдает себе отчет в том, где сидят упоминаемые им племена: вятичей он знает на юге, на пути из Приднестровья к Нижнему Поволжью; угличи сидят между Бугом и Днестром: этому противоречило, однако, народное предание, сообщавшее об осаде Игорем в течении трех лет угличского города Пересечена; Пересечен находится в нижнем течении Днепра; летописец устраняет противоречие указанием на то, что раньше угличи сидели восточнее, вниз по Днепру, и что в теперешние их жительства они перешли позже. Заговорив о радимичах, летописец вспомнил предание об их ляхском происхождении и сообщил о том, что в теперешние их жительства они перешли из ляхской земли. Комментируя сообщение письменного источника об уставлении Ольгой земли¹⁷, летописец подтверждает его известием о том, что становища и ловища и перевесища Ольги имеются по Днепру и Десне и что село ее, Ольжичи, известно и доселе; но выше земель, уставленную княгинию Ольгой, он назвал Деревскую¹⁸. Не служит ли это доказательством того, что под Деревскою землею разумелась им и земля северян, сидевших по Десне?

¹⁴ То же, что уличи.

¹⁵ поляков.

¹⁶ Одно из прусских племен, родственное литовцам.

¹⁷ В «Повести временных лет» говорится, что княгиня Ольга «уравила» погосты (места сбора дани) и определила для подвластных племен размер дани.

¹⁸ Т.е. древлянскую, землю древлян.

Летописец был человеком бывалым; кроме Киева он был знаком и с другими местностями русской земли; это доказывает и его замечание о жительствах угличей, и указание на село Ольжичи, и утверждение о том, что Игорева могила находится у Искоростеня, а Ольгова¹⁹ у Вручьего и до сего дне. Описывая гибель Святослава и комбинируя показания источников, летописец догадывается, что он провел зиму в Белобережье. Для оживления своего рассказа летописец пользуется и топографическими данными Киева: он вспоминает о вражде между Дорогожичем и Капичем²⁰, когда говорит об осаде Киева Владимиром, говорит о погребении Аскольда и Дира на Угорском, указывает, что Ольга была погребена у града Киева.

Неясное в событиях давнопрошедших восстанавливается летописцем по аналогии позднейших событий. Примером этого, как мы видели, служит рассказ об удалении Владимиром наемных варягов из Киева. Время Владимира, привлекавшее на себя все внимание летописца, с трудом восстанавливается им по источникам. Приходилось прибегать к сочинительству...

Вопросы: Как по-вашему, почему многие упрекали А.А.Шахматова в том, что у него есть «эффект присутствия» во времени, что он «знает», как мыслил летописец? Верна ли эта оценка? Считал ли А.А.Шахматов, что летописец был человеком своего времени, не таким, как современный человек? Можно ли сказать, что А.А.Шахматов иногда приписывает древнерусскому летописцу формы работы современного исследователя, а не средневекового книжника, что он подозревает у летописца такую же логику как его собственная?

Материалы о смерти А.А. Шахматова

В фонде А.А.Шахматова в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки хранятся воспоминания дочери А.А.Шахматова С.А.Коплан о смерти отца. Текст датирован 24 января 1921 г. / 6 января 1922 г.

Прочитайте отрывок из этих воспоминаний:

Я пришла к нему около 9 ч. вечера. (Утром была у него с Сергеем Федоровичем²¹). В палате его находился в это время сам Опель, Буш²²

¹⁹ Т.е. князя Олега Древлянского, сына Святослава Игоревича, убитого в сражении у города Овруч (Вручев, Вручий).

²⁰ Села под Киевом, упоминаемые в «Повести временных лет».

²¹ академик С.Ф.Ольденбург.

²² Врачи, лечившие А.А.Шахматова.

и сестра милосердия. Опель сказал мне: «Можете сегодня ночевать» и разрешил внести для меня кровать. Потом все ушли, и я осталась с ним одна. Он очень устал, не мог говорить и хотел заснуть, но перед сном ему должны были впрыснуть морфий. Он сказал мне: «Иди, отыщи сестру. Извинись за меня, что я им все коридоры настудил... В компенсацию пу-скай придет и впрыснет мне морфин». Он говорил отрывисто и такие же непонятные и страшные слова, как все последние 3 дня. Я привела сестру. После впрыскивания он затих и перестал говорить. Я сидела у окна, т.к. в комнате было уже темно и просматривала французскую книгу. Он лежал и смотрел на меня, и вдруг позвал к себе: «Не пор-ти себе глаза», — произнес он ласково, как говорил нам каждый вечер при наступлении сумерек, — «Зажги электричество: оно зажигается в коридоре». Я зажгла и села на стул, рядом с ним. Он забылся... Пришла сиделка, задернула занавеску, позвала меня в соседнюю палату и мы вме-сте принесли кровать для меня. После того, она поставила на ночной столик маленький ночник и ушла, погасив электричество. Я осталась с ним, сняла сапоги и легла на кровать. Кругом была тишина. Он лежал, бессильно опустив руки, и громко, и трудно дышал. Глаза его были за-крыты. Спал ли он, был ли он в забытии — не знаю. Я потушила свет в ночнике, боясь, что он его беспокоит. Приоткрылась дверь, и тихо вошла сестра. «Почему у вас темно? Разве у больного можно гасить?» Я поспешно зажгла ночник. Сестра впрыснула морфий и сказала, что сейчас вернется. Я хотела спросить ее, когда же наступит улучшение, но боялась. Я помнила, что Опель, уходя, разрешил ему пить молоко, и что все идет «нормально». Вернулась сестра с докторшей. Она впрысну-ла ему камфару и поставила градусник. Потом сказала мне: «Унего око-ло 40°, не ложитесь. Когда будет хуже, зовите сестру» и ушла. Сестра поправила ему подушки и прошептала мне: «Он очень плох, не дотянет до утра, уже началась агония». Меня эти жестокие слова точно удари-ли, ошеломили. Я так далеко была от этой мысли... Сестра бесшумно встала и подошла ко мне. «Ничего, ничего, не пугайтесь; когда будет хуже, приходите за мной, или пришлите сиделку»... Я сидела на койке, напротив папы и дрожала, как в лихорадке, охваченная ужасом. Зубы у меня стучали, и я тщетно старалась, силилась сдерживать себя. Я си-дела, неотступно смотрела на него, и часто подносила воды или вина...

Из предсмертного письма А.А.Шахматова дочери С.А.Коплан:

...Мы подошли еще раз к задаче человека. Он должен стремиться к всестороннему развитию. Напряжение ума, научная работа, приобре-

тение знаний ведет и его, и его близких к тому совершенству, которое так необходимо для водворения и укрепления добра на земле. С другой стороны, развитие альтруистического чувства и, прежде всего, деятельной любви открывает путь непосредственного насаждения добра и увеличения его на земле. Каждое доброе слово к ближнему, каждая ласка, каждое нежное движение вызывают в наших близких сочувственный отклик, иногда незаметный, скрытый, но обыкновенно, в конце концов, дающий заметные плоды, смягчающий их душу, побуждающий их к доброму примеру, порождающий в них элементы любви. Вера без дел мертва есть: но возможность делать, возможность проявлять свое чувство любви безгранична. И назначением человека является умелое, гармоничное сочетание усилий ума и чувства для великого служения человечеству, изнывающему от зла, рвущемуся к свету и добру. Это гармоничное сочетание может быть достигнуто усилиями нашей воли, целесообразно направленной к использованию тех способностей, которые лежат в глубине нашей природы. Трудная задача на жизненном пути человека должна начинаться с воспитания его воли, с направления ее на пользу самого человека и его окружающих. Вот почему на вопрос: в чем смысл жизни? Я отвечаю: во всестороннем развитии его духовной жизни...

Цит. по: Андреева Т.В., Вовина-Лебедева В.Г. О смысле жизни: предсмертное письмо А.А.Шахматова // Государство и общество России XV – начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб. 2007 С. 535–536.

§ 7. Михаил Дмитриевич Приселков

О М.Д.Приселкове как историке русского летописания, прежде всего принято писать, как о продолжателе А.А. Шахматова, творчески развившем учение последнего. Его работы содержат завершённые многих элементов шахматовской летописной схемы. Можно встретить даже выражения «схема Шахматова-Приселкова», «метод Шахматова-Приселкова», «труды Шахматова и Приселкова».

М.Д.Приселков родился в 1881 г. в Петербурге, в семье священника. Ещё учась в гимназии, он был вынужден помогать семье — давать уроки, что было распространённым явлением среди детей нуждающейся части интеллигенции. В 1899 г. он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. После окончания был оставлен в Университете для защиты магистерской

диссертации, начал читать лекции и вести практические занятия как приват-доцент. Параллельно преподавал в 1 Кадетском корпусе, а затем еще в Психоневрологическом институте и на Высших женских курсах. Магистерскую диссертацию М.Д.Приселков писал на кафедре истории русской церкви. М.Д.Приселков тесно сблизился с А.А.Шахматовым в 1905 г., и с этого времени считал его своим учителем. В письмах их часто обсуждались не научные, а политические вопросы. Оба были людьми либеральных убеждений. М.Д.Приселков был близок к кадетам. А.А.Шахматов был членом ЦК кадетской партии. Когда младший брат М.Д.Приселкова Николай (студент естественного отделения) был арестован в начале 1911 г. в связи со студенческими волнениями и исключен из Университета, А.А.Шахматов хлопотал о его восстановлении.

Магистерский диспут²³ М.Д.Приселкова по его книге «Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.» состоялся в январе 1914 г. Эта ранняя работа была встречена критически многими рецензентами. Критиковал ее и А.А.Шахматов за способ подачи и использования в ней летописного материала. Молодой М.Д.Приселков пытался применить в историко-политическом исследовании тот же метод, который А.А.Шахматов применял к летописям. В его книге осуществлялась реконструкция исторических фактов, подобно тому, как Шахматов реконструировал исчезнувшие древние тексты. И эта реконструкция как целое не была принята коллегами — историками также, как и позднейшими исследователями. Кроме того, он пользовался шахматовскими реконструкциями как источниками вместо обращения к летописным текстам. Тем не менее, отдельные наблюдения и находки М.Д.Приселкова, сделанные в этой книге, сохраняют важность.

М.Д.Приселков доказывал, что вся политическая история Киевской Руси после крещения шла под знаменем борьбы двух партий, двух направлений: греческой, которую представлял княжеский дом Мономахов, и антигреческой, воплощением которой был Киево-Печерский монастырь. На первом этапе после крещения Киев отказался от подчинения византийской патриархии, поэтому, вплоть до времени Ярослава Мудрого и первого греческого митрополита Феопемпта, Русь находилась в церковном подчинении болгарской Охридской

²³ В дореволюционной России — аналог современной защите кандидатской диссертации.

епархии. Другим спорным тезисом М.Д.Приселкова было отождествление митрополита Иллариона и Никона Печерского, которому А.А.Шахматов приписывал участие в летописании. Все критики этих положений отмечали, что они выводятся из цепи нанизанных одно на другое предположений.

Другой особенностью книги М.Д.Приселкова, которая не нравилась, например, А.А.Шахматову, были элементы модернизации прошлого. Так, комментируя то место, где Приселков пишет о «необыкновенно сильном интересе» княгини Ольги к политической и церковной независимости от Византии, Шахматов, обращаясь к автору, иронически заметил: «Не знаю... насколько Ольга интересовалась тем, что Вас так интересовало». Но главное, что, по мнению А.А.Шахматова, было достойно упрека в работе, это то, что «между собой и летописью» он поставил исследование Шахматова. А.А.Шахматов пояснял, что его реконструкция — это форма ученой гипотезы, а не текст, и что нужно, «когда возможно, давать источники, а не комментарий», и избегать «нажима на источники».

«Всякая гипотеза, — писал А.А.Шахматов, — связывающая несколько фактов и представляющаяся как бы вытекающей из этих фактов, является ценным научным вкладом: она может быть проверена и оценена с точки зрения ее необходимости и убедительности». В книге М.Д.Приселкова он видел ряд таких гипотез. Но есть в ней и другие: «Своим источником такие гипотезы имеют зародившуюся в уме исследователя идею; эти гипотезы вытекают, таким образом, из одной общей гипотезы, из одного общего основания, предполагаемого, воображаемого. Ценность таких гипотез более, чем проблематична: если даже признать вероятную породившую их идею, они, тем не менее, теряют смысл и значение, когда ими не объясняется тот или иной факт, когда они к нему только случайно и искусственно привязываются, затемняя более простой смысл и препятствуя естественному его истолкованию». Но А.А.Шахматов любил М.Д.Приселкова, и потому напоминал, что в его лице «к скучному и сухому материалу подошел живой и страстный исследователь», и «столкновение между ним и этим материалом было неизбежно», в результате чего «материал подвергся отчасти насилию», особенно потому, что М.Д.Приселков не предварил свою работу собственным изучением источников, летописных текстов.

Это самостоятельное обращение М.Д.Приселкова к летописным текстам, к которому его призывал А.А.Шахматов, произошло уже